

Мигранты и пространственная маргинальность в городских цифровых медиа (на примере Иркутска)

Дмитрий Тимошкин

Кандидат социологических наук, научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии, Иркутский государственный университет
Старший преподаватель, кафедра культурологии и искусствоведения,
Гуманитарный Институт, Сибирский Федеральный Университет
Адрес: ул. Карла Маркса, д. 1, г. Иркутск, Российская Федерация 664033
E-mail: dmtrtim@gmail.com

В статье анализируются «мигрантские» пространства Иркутска, «создаваемые» журналистами и пользователями городских цифровых медиа. Мы рассматривали профессиональные информационные агентства, группы в «ВКонтакте», форумы как инструмент «производства пространства», соединяющий множество автобиографических описаний взаимодействия с городом, изображения, публицистические тексты в единый социально-пространственный образ. Нас интересовало, каким образом авторы текстов в цифровых медиа интегрируют в «образ Иркутска» мигрантов: существуют ли на создаваемой ими карте «мигрантские» места? В чем их особенности? Отличаются ли друг от друга «мигрантские» пространства на разных цифровых площадках? Получает ли пространственное выражение социальная маргинальность «мигранта»? Материалы подбирались в поисковой системе Google, а также — встроённых поисковых системах городских сообществ в «ВКонтакте» и форумов, по ключевым словам «Иркутск» + «мигранты» или «приезжие». Применялся метод ретроспективного онлайн-наблюдения и анализ дискурса: наблюдая за размещёнными в разное время в открытом доступе диалогами пользователей и публицистическими текстами, мы определяли, в какие локальности помещают «мигрантов», «приезжих» и какими характеристиками они наделяются. Установлено, что профессиональные медиа преимущественно транслируют бюрократическое видение «мигранта» и его местоположения: он ассоциируется с набором «подозреваемых пространств», точек концентрации неформальных рабочих мест, регулярно «проверяемых» чиновниками. Пространства представлены как маргинальные, не вписывающиеся в город как установленный социально-пространственный порядок, и потому — «грязные» и опасные. Эти образы переходят в социальные медиа, где транслируемый бюрократией образ «грязных» пространств и скрывающегося там «мигранта» сталкивается с субъективным опытом пользователей, становясь более сложным и неоднозначным. Так «мигрант» помещается в более широкий спектр пространств и социальных ситуаций, постепенно становясь частью городской повседневности.

Ключевые слова: цифровые медиа, город, мигранты, образ, маргинальность, пространство

* Исследование выполнено за счет средств гранта Президента РФ «Фронтирные территории в городах Сибири и Дальнего Востока».

Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

Медийный город (Маккуайр, 2014) во всем его многообразии, от ГИС-сервисов (Shelton, Poorthuis, Zook, 2015) до маркирующих пространство QR-кодов (Seeburger, 2012) и цифровых диаспор (Кужелева-Саган и др., 2016), все чаще попадает в исследовательское поле зрения. В дискуссиях (Касаткина, 2014; Brown, 2002; Jang, Kim, 2019) о методологии цифровых исследований нередко встает вопрос о возможности адаптации (Al-ghamdi, Al-Harigi, 2015: 737) концепций «образа города» и «производства пространства» к новой реальности, в которой цифровые устройства и соответствующие коммуникационные практики стали неотъемлемой частью города. Цифровые площадки позволяют соединить опыт переживания пространства, физическое и социальное (Ma et al., 2018). Топонимы, видео, фото, карты, впечатления складываются в единое целое, формируя новый тип «образа города», фиксирующего мельчайшие изменения в восприятии крупных человеческих поселений (Vuolteenaho, Leurs, Sumiala, 2015).

Цифровые технологии предоставляют обычному пользователю и социальному исследователю идентичные аналитические инструменты, позволяющие перейти от непосредственного переживания пространства к репрезентациям: виртуальным моделям, картографированию, комментариям (Орлова, 2018). Данные с «городских» цифровых площадок дают возможность описать практики взаимодействия человека и материальных объектов, рефлексии, плотность населения, увидеть, как город воспринимается множеством других пользователей (Pereira, Rocha, 2013; Shelton et al., 2015).

Принимая гипотезу о том, что цифровые технологии не привели к конструированию альтернативной реальности, живущей по собственным законам, можно сказать, что они лишь дополнили существовавшие прежде коммуникационные системы. Город был и остался сложным узлом, соединяющим технологию, материю и воспоминания (Mattern, 2013). Добавились лишь новые площадки для обсуждения и создания городской повседневности, такие же посредники между вещами, событиями и человеком, как ранее телевидение и газеты (Ibid.: 7).

Множество спонтанно возникающих описаний воссоздает город в более красочных и богатых формах, чем карты и позднейшие ГИС-сервисы, ведь реальность выскальзывает из-под власти схематического изображения (Dada, 2018). Цифровые медиа дают глубокую картину, связывая с тем или иным пространством определенный эмоциональный бэкграунд, сводя воедино множество пользовательских откликов.

Цифровые площадки стали таким же механизмом производства пространства (Лефевр, 2015), как ранее слухи и сплетни. Выкладывая отзывы, фотографии, обсуждая, спрашивая, пользователи создают образы, предоставляющие возможность исследовать город, физически не присутствуя на его улицах (см., например: Iavarone, Dursun, Çebi, 2019). В диалогах, новостях, фото и видео рождается публичный консенсус относительно опасности, размера, границ, функций городских территорий.

Здесь анализируется образ «мигрантских» мест Иркутска, конструируемый в городских медиа. «Мигранты» интересны нам в силу того, что, являясь для принимающего сообщества одновременно далекими и очень близкими «чужаками» (Зиммель, 2009: 14), они «прерывают рутину существующей привычки» аборигенов (Парк, 2013: 226), неизменно приковывая к себе широкий общественный интерес.

Как следствие, они становятся частым информационным поводом (Ивлева, Тавровский, 2019; Мукомель, 2011). С 1 января 2020 года было создано более тринадцати тысяч медиасообщений, содержащих ключевое слово «мигрант» (News.Yandex.ru). За февраль 2020 года только «Яндекс» (система находится на втором месте по количеству запросов в РФ после Google¹) показывает более 300 тысяч результатов по запросам, включающим слово «мигрант», в месяц (Wordstat.Yandex.ru Мигрант). Интерес к ним поддерживается экспертным сообществом, проводящим регулярные замеры отношения российского общества к этой группе.

Внимание к «мигрантам» можно объяснить тем, что они становятся существенным фактором, влияющим на конструирование городского пространства. Их можно отнести к маргинальным группам, так как, пересекая границы воображаемых сообществ, они оказываются между разными социальными мирами (Баньковская, 2002). «Мигранты» способствуют формированию представлений о внутренней структуре города, о его внешних границах, о границах между считываемыми как «свои» городскими сообществами и «чужаками» (Гусев, 2009). «Мигранты» определяются как чужаки, одновременно разрушающие и утверждающие город. По этой причине вопрос о том, как в городских нарративах выглядит пространство «мигранта», кажется весьма интересным.

Цель исследования — понять, как маргинальность «мигранта», репрезентируемая в медийных текстах, интегрируется в «образ города», на материале иркутских городских цифровых площадок. Ключевые вопросы, поставленные в статье, выглядят так: каким образом соотносится пространственная и социальная маргинальность в «образе города», создаваемом на цифровых коммуникационных платформах? Какое место занимают «мигранты» на цифровой карте Иркутска? Влияет ли социальная маргинальность на характер пространства, с которой она связывается? Проводя исследование, мы опирались на рассуждения о пространстве маргинальности В. Каганского (Каганский, 1999), концепцию «образа города» К. Линча (Линч, 1982) и классические статьи о маргинальности Р. Парка (Парк, 2011: 223–236).

Сбор и анализ материала

Использовалось ключевое слово «мигрант», которое фигурирует в поисковых запросах достаточно часто по сравнению с другими социальными категориями

1. <http://www.liveinternet.ru/stat/ru/searches.html?slice=ru&period=month>.

(«мигрант» — более 300 тысяч показов в «Яндексе», «предприниматель» около 1200 тысяч раз в месяц, «курьер» — около 1400 тысяч, «преступник» — 900 тысяч раз)². Также использовалось ключевое слово «приезжий» (более 170 тысяч показов в «Яндексе») ³, как схожее по значению со словом «мигрант», однако не обладающее выраженной негативной коннотацией. Большая часть материала была набрана в период с февраля по май 2019 года, массив дополнялся зимой и весной 2020 года, при этом анализировались новые тексты, не присутствовавшие в поисковой выдаче весной 2019 года.

В статье анализировались три группы текстов, содержащих ключевое слово «мигрант» или «приезжий»: публицистические, размещенные на сайтах СМИ, и, при наличии, комментарии к ним, сообщения в крупнейших локальных группах в «ВКонтакте» и на городских форумах. Профессиональные СМИ мы привлекли в силу их общеизвестной способности формировать картину мира аудитории (McCombs, 2004; Ван Дейк, 2013; Луман, 2005), в том числе и образы городов (см., например: Абашев, 2018; Власова, 2018; Ильина, 2018).

Социальные медиа рассматривались как альтернативный традиционным СМИ децентрализованный механизм производства образов, в меньшей степени подверженный цензуре (Хазеева, 2012), где основную роль играют непрофессионалы, предоставляющий благодаря «иллюзии приватности» возможность избежать вмешательства исследователя в естественную коммуникацию (см., например: Markham, 2013). «ВКонтакте» была выбрана в силу ее популярности в РФ⁴ и из-за огромного количества содержащихся в ней региональных пабликов: здесь можно найти более 30 тысяч сообществ, в названии которых имеется слово «Иркутск» и создатели которых указали этот город как свое местоположение⁵. Большинство сообществ не ограничивают доступ к опубликованным на стене диалогам, что дает возможность любому желающему наблюдать за пользовательской активностью.

Привлекая городские форумы, мы надеялись найти здесь более развернутые обсуждения «мигрантов» и «приезжих», нежели в группах «ВК». Ожидания были обусловлены спецификой внутренней организации форумов (Hoogeveen et al., 2018): отдельные обсуждения на форумах «живут» гораздо дольше диалогов на стене «ВК», пользователи знакомы друг с другом в течение многих лет, что подразумевает высокий уровень доверия и, возможно, более откровенные высказывания.

В Сети есть несколько иркутских веб-форумов, на которых все еще можно наблюдать пользовательскую активность. Это иркутский форум дольщиков, созданный для обмена информацией о жилых комплексах, решения проблем, связанных с отстаиванием дольщиками своих прав, улаживания споров с застройщиками⁶.

2. <https://wordstat.yandex.ru/#/?words=мигрант>.

3. <https://wordstat.yandex.ru/#/?words=приезжий>.

4. <https://vc.ru/marketing/106865-samye-populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-v-2020-godu>.

5. https://vk.com/groups?act=catalog&c%5Bcity%5D=57&c%5Bcountry%5D=1&c%5Blike_hints%5D=1c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=иркутск&c%5Bsection%5D=communities&c%5Bsort%5D=6.

6. <https://www.realtyvision.ru/discussion/>.

Активность сохраняется и на региональной ветке автомобильного форума Drom.ru⁷, и на родительском форуме мама+папа⁸.

Поиск релевантных исследовательскому вопросу текстов осуществлялся в несколько этапов. С помощью самой популярной в России поисковой системы Google подбирался массив новостных текстов. Вводились ключевые слова «мигрант», «приезжий» + «Иркутск». Учитывая склонность Google оценивать релевантность результата поиска с оглядкой на персональные данные пользователя (местоположение, история поиска и т. д.)⁹, мы отключили в настройках функции демонстрации персональных результатов и «безопасный поиск». Предполагалось, что в результате релевантность выдачи будет оцениваться в большей степени по наличию или отсутствию необходимых ключевых слов в выдаваемых текстах. Последовательно рассматривались первые 30 ссылок, выдаваемых поисковой системой по каждому запросу. Такая глубина проникновения обусловлена тем, что именно первые две страницы выдачи удостоиваются наибольшего количества просмотров (Moyle, 2014). При наличии, мы также рассматривали комментарии пользователей, размещенные под новостными текстами.

На Google мы рассматривали все тексты, составляющие первые три страницы выдачи поисковика, вне зависимости от времени их создания. В случае с социальными медиа анализировались все сообщения, содержащие ключевые слова, от самого раннего до самого позднего на момент поиска. Даже самые крупные паблики содержали не более 100 релевантных записей на стене (не считая комментариев к ним), поэтому это было осуществимо без использования специального программного обеспечения.

На втором этапе формировался массив сообщений, содержащих ключевое слово «мигрант», в четырех самых посещаемых региональных форумах: «иркутской» ветке Drom.ru¹⁰, форума мама+папа¹¹, portirkutsk¹², форума иркутских дольщиков¹³. Во встроенных поисковых системах форумов вводилось ключевое слово «мигрант», просматривалось каждое из найденных сообщений и, при необходимости, несколько других, связанных с ним контекстуально, фиксировался набор топонимов и социальных маркеров, которые определяли значение «мигранта» в каждом конкретном случае. Это не вызывало особых сложностей, так как в совокупности на выбранных форумах было найдено не более 500 совпадений. Здесь мы осуществляли поиск только по ключевому слову «мигрант», так как запрос «приезжий» давал массу нерелевантных исследовательской задаче текстов: поисковый

7. <https://forums.drom.ru/irkutsk/>.

8. <http://38mama.ru/forum/index.php>.

9. Google (2020). Принципы работы алгоритмов Google-поиска. URL: <https://www.google.com/search/howsearchworks/algorithms/> (дата обращения: 30.12.2019).

10. Региональные форумы: Иркутск: <https://forums.drom.ru/irkutsk/>.

11. Форум папа+мама: <http://38mama.ru/forum/index.php>.

12. Форум Порт Иркутск: <http://portirkutsk.ru/forum/>.

13. Форум дольщиков Иркутска: <https://www.realtyvision.ru/discussion/>.

алгоритм включал в выборку слова «приезжал», «приехал», что расширяло массив текстов практически до бесконечности.

И, наконец, на третьем этапе проводился отбор сообщений в региональных пабликах в «ВКонтакте». Паблики искали во встроенной поисковой системе социальной сети по ключевому слову «Иркутск», при этом рассматривались только те, местоположением которых был также указан Иркутск. Были отобраны 100 пабликов с наибольшим количеством подписчиков (от 200 до 17 тысяч человек). Затем, используя внутренний поиск групп, мы находили размещенные в этих группах сообщения, содержащие ключевые слова «мигрант» и «приезжий».

Метод работы с цифровыми медиа можно охарактеризовать как ретроспективное наблюдение онлайн (Paechter, 2015: 78–79). Предполагалось, что граница между цифровым и реальным мирами весьма иллюзорна, так как, по крайней мере, для пользователей, действия в цифровом пространстве могут повлечь за собой ожидаемые и неожиданные последствия в мире офлайн (Dekker et al., 2018). И если она проницаема для пользователей, то в той же степени может быть проницаемой и для исследователя (Hine, 2015: 53–54). Таким образом, цифровые пространства, с определенными оговорками, можно исследовать с помощью традиционного социологического и антропологического инструментария — интервью и наблюдений (Markham, 2013: 439; Bassi et al., 2019; Beneito-Montagut, 2011). При этом мы никак не вмешивались в коммуникацию между пользователями (Nørskov, Sladjana, Rask, 2011: 3–4).

Также мы осуществили анализ дискурса: «мигрант» и связанный с ним топоним мы рассматривали как «пустые знаки» (Йоргенсен, Филипс, 2011). Нас интересовало, каким образом пользователи наполняли их смыслом, связывая друг с другом и другими понятиями, какими качествами наделяется «мигрантское» пространство, какое значение приобретает слово «мигрант» после помещения в определенный пространственный контекст.

Создавая подозрительные пространства: «мигрант» и «приезжий» в Google

Абсолютное большинство ссылок, выдвигаемых Google на первые позиции поисковой выдачи по ключевым словам «мигранты+Иркутск», ведут на сайты информационных агентств. «Мигранты» упоминаются преимущественно в связи с различными бюрократическими процедурами: выдворением¹⁴, арестами¹⁵, вопросами, связанными с эпидемией коронавируса¹⁶ (выдача актуальна на март-май 2020 года). Другой частый информационный повод — измерение миграционных

14. <https://irkutsk.aldana.ru/new/view/id/67911>.

15. <https://irkutskmedia.ru/news/801758/?from=47>.

16. <https://www.kommersant.ru/doc/4328892>.

потоков, колебания численности иммигрантов и эмигрантов¹⁷. Оба информационных повода фактически сводятся к теме пересечения границ: отделяющих город от других «стран», отделяющих «мигрантские» территории от остального города, разделяющих «мигрантов» и других горожан.

Границы делают «мигранта» заметным: оптика журналиста выхватывает его именно в момент перемещения между социальными категориями. Человек в новости упоминается не потому, что он пересек границу между государствами, а потому, что он все еще находится на границе между воображаемыми «мы» и «они», и при этом не соблюдает процедуры и ограничения, предусмотренные этим статусом. Вернее, в тот момент, когда об этом узнает бюрократ.

Именно сообщения о «выявлении»¹⁸, «вычислении»¹⁹ «нелегальных мигрантов» и их последующем «выдворении» составляют большинство первых страниц поисковой выдачи. Особенностью этих новостей становится то, что людей, пригодных для проведения процедуры, обнаруживают в одних и тех же местах. Чиновники заранее знают, где искать «мигрантов», имея наготове перечень мест, в которых те обычно находятся. Из текстов мы не можем узнать, случалось ли местам не оправдать подозрений, однако некоторые фразы и даты публикаций говорят о том, что подобные рейды — рутина, равно как и сами новости. Как следствие, целые пространственные категории начинают восприниматься точками концентрации маргинальных групп, людей, не имеющих права находиться в городе. Целые городские районы становятся подозреваемыми и требуют «плановых» или «регулярных» проверок²⁰.

Иногда речь идет даже не о конкретных локациях, а скорее о сферах занятости в целом: «В ходе операции «Нелегальный мигрант» сотрудники управления по вопросам миграции ГУ МВД с коллегами из УФСБ России по Иркутской области при участии сотрудников ОМОН Управления Ростгвардии проверили более 570 объектов пребывания и проживания иностранцев. Особое внимание было уделено объектам лесной сферы, строительства, торговли и жилого сектора»²¹. В одной из публикаций²² утверждается, что в Иркутске существуют более 200 таких подозрительных мест, в другой — что их более 500. Называют²³ «Покровский» (он же «Китай-Город»), расположенный на улице Челябинская, неподалеку от рабочего предместья, иногда — «центральный рынок» в историческом центре, рынок «Шанхайка», также расположенный в центре.

17. <https://www.irk.kp.ru/daily/27028.4/4091775/>; <http://baik-info.ru/v-irkutskoy-oblasti-sokrashchaetsya-chislo-trudovyh-migrantov>.

18. <https://irk.today/2019/06/03/sheste-nelegalnyh-migrantov-vyjavili-v-hostelah-irkutskaja/>.

19. <https://www.irk.kp.ru/online/news/3760750/>.

20. <https://irkutskmedia.ru/news/801758/?from=47>.

21. <https://irkutsk.aldana.ru/new/view/id/66815>.

22. <https://www.irk.kp.ru/online/news/3760750/>.

23. <https://baikal.mk.ru/incident/2020/01/08/nelegalnye-migranty-rabotali-na-odnom-iz-irkutskikh-rynkov.html>.

Еще один тип подозрительных мест — «хостелы на Рабочего Штаба»²⁴. Поиск в ГИС-системах показывает несколько гостиниц, причем одна из них обозначена как «Земляки, хостел и миграционный отдел»²⁵. Место находится в нескольких минутах езды от уже упоминавшегося выше рынка «Покровский», а также — от еще одного крупного иркутского рынка «Колхозный». В других материалах упоминается улица Генерала Доватора²⁶ и находящийся там кондитерский цех, где, если верить журналистам, в 2019 году работало больше 100 мигрантов.

Называют еще одну локальность, где, по мнению пользователей, необходимо «каждый день проводить такие проверки», — Центральный рынок. Обратившись к имеющимся исследованиям иркутских рынков, можно узнать, что и Центральный, упоминавшийся в комментариях, и этнически маркированные рынки «Покровский» и «Шанхайка», Колхозный рынок, встречающиеся в новостях, — все они являются объектами постоянных проверок буквально с момента их появления. Проверки стали неотъемлемой частью повседневности этих мест, порождая специфические практики, в том числе позволяющие работающим на рынке мигрантам вовремя узнавать об очередном рейде, а силовикам — иметь с рынка неформальные ренты (Дятлов и др., 2019).

Из комментариев можно узнать, что «мигрантское» маркирование пространства вызывает у части пользователей ассоциации с грязью (Дуглас, 2000), людьми и предметами, которые находятся не на своем месте, ломая социальный порядок. Маргинальность в этом случае создает круг подозрительности: бюрократы подозревают множество социально-пространственных объектов в укрыительстве «нарушителей», тех, кто не имеет права там находиться. Людей, пересекающих вообразимые границы между «мы» и «они», подозревают в нечистоте, проверяя на наличие судимости, «социально опасных заболеваний»²⁷. Контакт с «мигрантом», и здесь кажется уместной аналогия с лиминальными существами (Тернер, 1983: 169), ставит под угрозу целостность самой бюрократии: взаимодействие чиновника и «мигранта» вызывает подозрения в недобросовестности первого вне зависимости от исхода²⁸. При этом, что любопытно, в комментариях образ «мигранта» далеко не столь монолитен, как в текстах профессиональных журналистов. Нередко обнаруживается группа пользователей, оспаривающих негативные стереотипы, основываясь на опыте, или же приводя довод о стигматизированности «национализма».

Подозрение касается не только пространства и человека, но и вещей, которые их окружают: пользователи уверены, что в кондитерских изделиях, производимых «мигрантами» в одном из подозрительных пространств, непременно встречаются

24. <https://irk.today/2019/06/03/shest-nelegalnyh-migrantov-vyjavili-v-hostelah-irkutska/>.

25. <https://2gis.ru/irkutsk/firm/70000001041299301>.

26. <https://www.irk.ru/news/20191016/migration/>.

27. https://irk.aif.ru/society/migrant_uzhe_ne_tot_gastarbayerov_uberut_iz_transporta_taksi_i_magazinov.

28. <https://ovdinfo.org/express-news/2019/04/05/v-irkutske-zaderzhivali-280-inostrannyh-grazhdan-ih-vseh-otpustili-bez>.

«таракашки и кучерявые волосики»²⁹. Аналогичные подозрения, о переполненности «мигрантских» рынков опасными или некачественными вещами, звучали во время полевых исследований иркутских базаров (Тимошкин, 2019).

Социальная маргинальность сдвигает в пограничную зону и само связанное с ней пространство. В одной из статей про «мигрантский» Иркутск³⁰ журналист рассказывает, как в городе формируются «параллельные», полностью автономные сообщества «мигрантов». Причиной тому, по мнению автора, становится уровень мобильности приезжих, незнание русского языка, нежелание контактировать с местными. Что любопытно, материал, на котором журналист строит свои доводы, может быть истолкован и как указание на иллюзорность этих границ. С респондентами автор говорил на русском языке, обменивался с ними контактами, интервью проходили на рынке, расположенном в самом центре Иркутска, сам характер которого предполагает постоянные контакты между условными мигрантами и принимающим сообществом, некоторые респонденты поделились своим желанием остаться в городе навсегда.

Маргинальность пространства может конструироваться с помощью описания экзотических сочетаний предметов и цветов, либо через описания вещей, которые не соответствуют своей изначальной форме или функции. Так, например, могут отмечаться неопрятность и теснота «мигрантского» общежития, или ржавчина на трубах в подвале, где живут строители, либо плохое качество или запах товаров на открытом «мигрантском» рынке.

Запрос «приезжие + Иркутск» показывает, что в публицистике под этим словосочетанием подразумеваются внутренние мигранты. Большинство ссылок ведет к новостям о преступлениях, совершенных «приезжими», или в отношении них, в разных регионах. Приезжие чаще упоминаются как жертвы преступлений, а «мигранты» совершают преступления сами, просто находясь в «подозрительном» месте или работая там.

Несколько текстов связаны (на май 2020 года) с эпидемией коронавируса, в них речь идет об ограничительных мерах, предпринимаемых властями регионов в отношении внутренних мигрантов. Новости еще больше роднят «мигрантов» и «приезжих»: и те, и другие становятся потенциальным источником социальной опасности, и тех, и других насильственно помещают в специализированные помещения для совершения процедуры, позволяющей отделить опасных от неопасных³¹.

Тем не менее в большинстве случаев «приезжий» все же подразумевает более широкий спектр пространств и социальных ситуаций. Некоторые ссылки ведут к цифровым сервисам для туристов³², включая городские афиши³³ и развлечения

29. <https://www.irk.ru/news/20191016/migration/>.

30. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/01/05/79107-bez-osoboy-nadobnosti-v-gorod-ne-vyhodit>.

31. <https://www.irk.ru/news/20200501/coerce/>.

32. https://www.tripadvisor.ru/Attractions-g298527-Activities-c48-Irkutsk_Irkutsk_Oblast_Siberian_District.html.

33. https://www.afisha.ru/irkutsk/schedule_theatre/.

тельные площадки³⁴: помимо обсерваторов «приезжие» встречаются в туристических местах — зоопарках, океанариумах, театрах. «Приезжий» представляется не только опасным маргиналом, но и туристом, однако и в том, и в другом случае ему полагается занимать специфические, связанные с его статусом, места.

Фрагментация «мигранта» и «приезжего» в социальных медиа

Судя по всему, образ «мигранта» в большей степени представлен именно в мире профессиональных медиа. В большинстве городских пабликов в «ВК» не удалось найти ни одного сообщения на стене, содержащего это ключевое слово, исключением стали лишь новостные группы и сообщества силовых структур³⁵. Тематика размещаемых там сообщений идентична описанной выше: контакты мигранта и российской бюрократии на рынках, лесозаготовках, стройках, а также — совершаемые «мигрантами» преступления. Буквально в единичных случаях пользователи сами начинают обсуждение, употребляя данное ключевое слово, в остальных поводом становится публицистический текст. Обсуждения провоцируют криминальные сводки, причем многие пользователи, реагируя на них, практически дословно повторяют медийные конструкты, помещая «мигрантов» в тот же социально-пространственный контекст, что и СМИ.

Большинство комментариев к новостям не представляют особого интереса: односложные реплики транслируют хорошо описанный (см., например: Веснина, 2009) мигрантофобский дискурс³⁶ или же вообще не относятся к теме миграции. Исходящая от «мигранта» опасность весьма призрачна, пользователи не могут толком объяснить, в чем конкретно она заключается, называя способность переносить «заразу», «преступность», «кражу работы».

«Мигрант» связывается авторами сообщений с набором «подозрительных» мест, однако стандартные для новостных текстов рынки и стройки дополняются водительскими местами в общественном транспорте, овощебазами, жилыми районами, школами и университетами, курортными поселками, теплицами в пригородах. Эти места в нарративах обладают по умолчанию набором характеристик, вроде концентрации рабочих мест, признаваемых социально непрестижными, «на которых не будут работать местные», одной из характеристик становится способность скрывать в себе «мигранта».

Когда возникает необходимость более четкого определения «мигранта», становится ясно, что публичной конвенции относительно значения этого слова попросту не существует, некоторые пользователи вовсе не знают, что это такое³⁷. Некоторые относят к «мигрантам» только иностранцев из СНГ, другие — только людей,

34. <https://www.irk.ru/afisha/culture/>.

35. https://vk.com/nash_irkutsk; https://vk.com/rus_crime_irkutsk.

36. https://vk.com/live_irkutsk?w=wall-91503835_266540; https://vk.com/live_irkutsk?w=wall-91503835_74996.

37. https://vk.com/irkdtp?w=wall-37432351_947459.

отличающихся от них по антропометрическим данным, кто-то — всех перемещающихся с места на место, кто-то — иностранцев в принципе. Трансляция медийной модели «мигранта» как опасного нарушителя вызывает попытки ее оспорить.

Некий пользователь распространил по региональным группам в «VK» текст, в котором описывает скупку земли на берегу Байкала «китайцами» под гостиничный бизнес, называя этот процесс скрытой экспансией³⁸. «Работяги из местных алкашей и узбекских мигрантов», сооружающих гостиницу в туристическом поселке, и «упитанный китаец на черном лимузине», наблюдающий за их работой, находятся в разных категориях.

Первые не вызывают претензий, а вот вторых автор боится, считая, что они могут осквернить его среду обитания: «Новая гостиница будет возведена быстро, нынче же летом, и сразу же заполнится шумными гостями из Поднебесной. Немедленно потекут от них вонючие стоки в примитивный септик и мгновенно просочатся сквозь галечно-каменный слой почвы в Лиственичный залив. Ведь канализации и очистных сооружений в посёлке до сих пор нет. У местных жителей дворовые туалеты, но местных немного, от них терпимые стоки. А вот гости-китайцы каждый день приезжают толпами. Пока «гости». Но в стремительном темпе пускают корни и обзаводятся недвижимостью!»

Автор транслирует уже привычное представление о «мигранте» как источнике грязи, разворачивая вокруг него цепочку подозрений. «Китайское» место подозревается в том, что оно будет «загрязнять» окружающую среду; губернатор, который не обращает на проблему внимания, подозревается в связях с КПК. В подтверждение своей истории автор выложил фотографию стройки и стоящей рядом машины, в которой якобы сидит предполагаемый «китаец», владелец будущей гостиницы.

В комментариях единодушия относительно разрушительной роли «китайцев в Сибири» не наблюдается. Часть пользователей с готовностью подхватывает авторскую риторику, ретранслируя мифы о «желтой угрозе» и ползучей экспансии, подтверждая это историями о создании «китайцами» в российских городах «своей» инфраструктуры, закрытой для посторонних, вывесках на китайском языке в сувенирных магазинах Иркутска. Называют «подозрительные» места: «китайские» заводы в Култукке (еще один прибрежный поселок), «китайские» гостиницы на Ольхоне (популярный у туристов остров на Байкале), сельскохозяйственные угодья в пригородах Иркутска. Другие обращают внимание на то, что, судя по номерам машины, за рулем сидит не китаец, а киргиз, говорят, что покупка земли на Байкале — бизнес, не имеющий национальности, что местных владельцев гостиниц также нельзя обвинить в излишней чистоплотности.

Значительно больший интерес вызывают «приезжие». Если обсуждения «мигрантов» провоцируются репостами публицистических текстов, то обсуждения «приезжих» начинают сами пользователи. «Мигранты» в сообщениях всегда вы-

38. https://vk.com/irkdtp?w=wall-37432351_758264.

несены за пределы абстрактного «мы», пользователи никогда не называют себя «мигрантами», даже если декларируют дружественное к ним отношение. «Приезжие» же существуют на стыке «мы» и «они», пользователи не считают зазорным применить это слово для самоидентификации.

Более того, «приезжие» становятся для «нас» примером для подражания³⁹. Приезжий — уже не только нищий работяга, но турист⁴⁰, а иногда даже «иностранец». Так же как и в профессиональных СМИ, под «приезжими» подразумеваются внутренние мигранты, и эта группа явно не относится к категории «чужаков», за исключением тех случаев, когда слово упоминается в рамках националистического дискурса⁴¹. В обсуждениях⁴² «приезжие» не рассматриваются как экзистенциальная угроза⁴³.

Даже когда один из «приезжих» объявляет о своем намерении «завоевать ваш город», это не вызывает у аудитории агрессии или страха, скорее — иронию: «завоюй, пока санитары не видят»⁴⁴. Просьбы «приезжих» рассказать об Иркутске приводят к критике города «местными»: он недостаточно хорош для того, чтобы сюда приезжать⁴⁵. Когда автор одного из постов заявил, что он приезжий, и начал критиковать город и его жителей, в комментариях его поддержали «местные»⁴⁶. Если упоминание «мигранта» провоцирует призывы к защите «своей» территории, то «приезжий» — критическую рефлексию, переосмысление «своего». Иными словами, «приезжий» не становится триггером воспроизводства описанного еще Зиммелем напряжения, рождаемого парадоксальным единством «удаленности» и «близости» в образе «чужака».

Разницу в языке описания «мигранта» и «приезжего» наглядно показывают диалоги, в которых обсуждается отношение горожан к внутренним мигрантам⁴⁷. «Приезжий» ассоциируется с другими формами занятости, однако все они явно не относятся к социально престижным. Упоминаются «мерчендайзеры», «официанты», «авторы текстов», «аниматоры», «продавцы» торгово-развлекательных комплексов. «Приезжие» практически не встречаются на рынках и стройках, но в университетах, такси, в банках, туристических местах⁴⁸, бутиках и даже на городских праздниках⁴⁹. Еще одна область, с которой связывается слово «приезжий» в пабликах в «ВК», особенно в группах по поиску работы и жилья, и которая роднит его с «мигрантами», — проституция, стриптиз и эскорт-услуги. В нескольких

39. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_2496783.

40. <https://vk.com/irklove>.

41. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_3367082.

42. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_3964770.

43. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_4125722.

44. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_1332883.

45. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_4102286; https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_3455348.

46. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_3367082.

47. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_1806261; https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_984153.

48. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_932855.

49. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_2275366.

группах, размещающих вакансии, предложения сутенеров составляют большинство объявлений, включающих слово «приезжий»⁵⁰.

Социально-пространственный контекст «приезжих» не предполагает физического труда, как в случае «мигрантов», но тем не менее сферы занятости, к которым их относят, также можно назвать маргинальными: многие из них не подразумевают высокого уровня формализации, их рассматривают как временную работу с низким порогом вхождения.

Маргинальность «приезжего» может быть привлекательной, что нередко осознается и используется посетителями цифровых площадок⁵¹. Заявление «я — приезжий» на сайтах знакомств становится способом привлечь потенциального партнера, а просьба «показать город» — поводом для встречи офлайн⁵². Освоение города «приедем», попытки знакомства с «местными» практически не вызывают агрессии.

Поводом обсудить миграцию на форумах становятся, как и в группах в «ВК», перепечатки заметок профессиональных СМИ⁵³, причем не всегда новость связана непосредственно с миграцией. В любом случае «мигранта» упоминают как атрибут все тех же «подозрительных» территорий: «Идем дальше к торговому комплексу. Стоят никчемные павильоны, торгующих чем попало <...> Внутренний дворик, отделяющий ТЦ от Ц. рынка, превращен опять же шустрými торгашами в миниавтостанцию <...> Везде грязь, вдоль стен ТК в уголке стоят кучки мигрантов, щелкают на асфальт семечки. Теснота невообразимая, проходы забиты торговцами, все нормы вместимости двора и самого рынка перешли допустимые. <...> Везде установили какие-то кибитки, с потолка свисают кривые декорации»⁵⁴.

Рынок, о котором идет речь, так же как и «мигрантские» территории в СМИ, нарушает устоявшийся образ города, каким он «должен быть». Пользователи форумов считают такие места опасными в силу их способности к распространению себя, превращению всего остального города в маргинальные территории подобно зомби в массовой культуре (Чубаров, 2014): «Вот роет канаву приезжий таджик Рахим. Хороший, трудолюбивый парень, отличный семьянин. Работа черная, зарплата по нашим меркам маленькая, прописки нет, милиция шантажирует... Ты ему сочувствуешь? Ты думаешь, что он удовлетворен достигнутым и собирается и дальше выполнять черную работу? Ошибаешься! Жалеть надо тебя. Еще вчера он голодал. <...> За небольшую услугу земляки устроили его на стройке. Он не такой дурак, чтобы жить только на зарплату: надо думать о будущем. Пересекая границу, он каждый раз везет сто грамм гашиша. Скоро к нему придет бе-

50. <https://vk.com/club67790600>; https://vk.com/irkutsk_obyavleniya.

51. https://vk.com/irknim?w=wall-47220519_2094078.

52. https://vk.com/38speeddating?w=wall-65983307_32562; https://vk.com/38speeddating?w=wall-65983307_41683.

53. Форум мама + папа: <http://38mama.ru/forum/index.php?action=search2>; <http://38mama.ru/forum/index.php?topic=248266.msg9731764;topicseen#msg9731764>; Форум мама + папа ФМС, мигранты (обсудим?): <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1151821107-p3.html>.

54. Тема: Бердников Дмитрий Викторович: <http://hamar.ru/?topic=8317>.

ременная жена с пятерыми детьми. Она тоже привезет с собой еще двести грамм гашиша и малость травки, завернутой в пеленки и детские вещи: риска никакого. Пока муж работает, она будет просить милостыню, а заодно сбывать «дурь» местным подросткам. Еще несколько ходок — и можно будет купить не только регистрацию, но и гражданство, а потом и квартиру, которую продадут им те же наркоманы. <...> Вот китаец Ли. Теперь он в России — и жизнь налаживается. Ли не только по-китайски трудолюбив, но и по-китайски предприимчив. Сегодня он огородник, завтра — лесоруб, послезавтра — челнок... Земляки помогают ему, он помогает землякам — и так, сообщая, они осваивают великую пустыню. <...> Да и сам Китай, стимулируя расселение по всему свету Потомков Желтого императора, всеми силами поддерживает свои зарубежные колонии»⁵⁵.

Так «предчувствие Чайнатаунов» (Дятлов, 2012) кочует с одной цифровой площадки на другую, причем всюду предвестниками будущих, но пока невидимых⁵⁶ «мигрантских» анклавов выступают места, которые сами «местные» не прочь кому-нибудь отдать. «Чайнатауны» вытесняются на периферию, в рабочие предместья, овощебазы, открытые рынки, в места, где, судя по распространенному в медиа клише, «местные работать не будут».

Найти «мигранта» в цифровом городе оказывается проще простого: любой рынок, любая канава, дорога или стройка изобилует незаметными работягами, прибывшими из далеких стран. Казалось бы, эмпирический опыт только утверждает эти представления. Когда возникает необходимость не выдвинуть аргумент в споре, а найти дешевую рабочую силу, называют все те же рынки и неформальные биржи труда — места в районе Новоленино, где собираются поденные рабочие⁵⁷. Контакт с продавцом телефонов на Центральном рынке⁵⁸ или посещение дешевого «мигрантского» фудкорта⁵⁹ — все это может считываться как «типичная мигрантская» ситуация⁶⁰.

«Мигранты» осваивают один и тот же набор территорий в разных текстах, которые становятся для них не только воротами в город, но и социальным трамплином, где их периодически «обнаруживают» разнородные бюрократы. За пределами этих территорий они теряются. Возможно, по той причине, что, выходя за пределы открытых рынков истроек, они утрачивают единственный маркер, по которому их можно отличить от «приезжего» и «местного», — физический труд, не требующий высокой квалификации.

55. Обсуждение русского марша в Иркутске: <http://portirkutsk.ru/forum/topic8177-20.html#p121377>.

56. Новости нашего городка: <https://forums.drom.ru/irkutsk/t150943864-p609.html#post1145562017>.

57. Внимание! Ребята, выручайте, требуются иностранные рабочие: <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1151329490.html#post1082654135>.

58. Звонок из полиции по поводу кредита. Help!: <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1151785013-p14.html#post1121525094>.

59. Здоровый образ жизни: <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1152085205-p417.html#post1159347634>.

60. Город Иркутск и его проблемы: <http://hamar.ru/?topic=64>.

Пользователи сталкиваются с «мигрантами» в местах, которые не являются частью стандартной медийной модели, — в школах⁶¹, университетах, на детских площадках родных жилых комплексов. И здесь типичный для медиа миф о «мигрантах» как низкоквалифицированной рабочей силе, угрозе порядку вещей, начинает оспариваться теми, кто с «мигрантами» сталкивается в повседневной жизни. Так, например, один из пользователей не соглашается с высказыванием собеседника о том, что дети-мигранты неизбежно ведут к ухудшению общей успеваемости в классе: «Да только эти страшилки все именно на словах. Не понятно мне, откуда эти все „доподлинные сведения“ берутся? <...> Да, много учится в школе нерусских ребятшек. Да, это специфика района, в котором мы живем. НО: по своему опыту могу сказать, что у них (детей мигрантов) во многих аспектах поведение отличается в лучшую сторону (пока могу судить по ученикам начальной школы). У них в большей степени развита ответственность и нормальное отношение к другим детям, почтение к взрослым. (Еще по поведению на детских площадках, когда ребенок был маленьким, это увидела.) Так что не худший вариант соседства»⁶².

«Мигрант» здесь из абстрактной угрозы превращается в живого соседа, не скрытого и опасного «городом в городе» во вполне органичную часть его повседневности. То же самое может происходить и в случае найма «мигранта» на работу⁶³. Медийные социально-пространственные стереотипы миграции могут быть весьма влиятельными. Однако попадая в социальные медиа, бюрократическая модель «миграции», сталкиваясь с эмпирическим опытом пользователей, раз за разом размывается и фрагментируется. Модель «подозреваемых» пространств и «мигрантов» — нарушителей города как социального и пространственного порядка не видит «мигрантов» в непосредственной близости от «местных», а «местных» — на «мигрантских» территориях. Возможно, работая на исключение «мигрантов» из города, она противоречит реальности, в которой они становятся его частью, иногда ничем неотличимой от всех остальных, что осознается пользователями социальных медиа в большей степени, чем профессиональными журналистами.

Заключение

Отвечая на главный вопрос статьи, можно сказать, что пространственное воплощение социальной маргинальности в данном случае — это кустарные интерфейсы, обеспечивающие «вход» в город тем, кто не может или не хочет воспользоваться институционализированными, «парадными» входами. В цифровом Иркутске, который можно воссоздать по рассмотренным здесь текстам, «мигрант» и «приез-

61. Инициативная группа «детские сады — детям»: <http://38mama.ru/forum/index.php?topic=178825.msg9319343#msg9319343>.

62. Школа, отзывы, впечатления: <http://38mama.ru/forum/index.php?topic=41860.msg13961573#msg13961573>.

63. ФМС, мигранты (обсудим?): <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1151821107-p2.html>; обсуждение сообщений ветки «Аварии в Иркутске»: <https://forums.drom.ru/irkutsk/t1151625010-p91.html>.

жий» схожи в том, что занимаемое ими пространство — это места концентрации не очень престижной, слабозарегулированной и не требующей высокой квалификации занятости. Вспоминая метафору «государства–сетевого узла» М. Кастельса (Кастельс, 2016), можно сравнить «мигрантские» точки на виртуальной карте Иркутска с интерфейсами, обеспечивающими прибывающим в город людям доступ к жизненно необходимым ресурсам. Если не обращать внимания на коннотации «мигранта» и «приезжего», и те, и другие «входят» в город через подобные интерфейсы. Аналогичные функции выполняют «мигрантские» цифровые площадки (Тимошкин, 2019).

Пространственное воплощение социальной маргинальности в цифровом городе — это стройки, открытые рынки Центральный, «Шанхайка», «Покровский», овощебазы в Новоленино, хостелы, неформальные биржи труда, места за прилавками торговых центров и так далее. Можно без труда увидеть, что в «традиционных» и социальных медиа эти локальности воспринимаются по-разному. Профессиональные СМИ транслируют бюрократическую логику восприятия «кустарных» интерфейсов вродестроек, «мигрантских» кафе и рынков как подзрительных пространств, являющихся потенциальным источником угрозы превращения «нашего» города в нечто чужеродное и страшное. Социальные медиа существенно усложняют картину, размывая четкую структуру транслируемого бюрократией образа. Несколько более широким спектром кустарных интерфейсов пользуются и «приезжие», однако на них бюрократическая логика (по крайней мере, в рассмотренных здесь текстах) почему-то не распространяется.

Наблюдения и интервью, проведенные в «мигрантских», маргинализованных территориях Иркутска, показывают (Дятлов и др., 2019), что «местные» маргиналы нередко работают с «мигрантами» и «приезжими» бок о бок на тех же открытых рынках, в ЖКХ, малоэтажном строительстве в иркутских пригородах. Внутренние мигранты могут пользоваться теми же точками входа в город, что и трансграничные, однако в поле зрения профессиональных СМИ почему-то попадают в основном работающие здесь трансграничные мигранты. Возможно, причина в том, что только трансграничные мигранты могут совершить, самим фактом работы на стройке или открытом рынке, преступление, достаточно тяжелое для попадания в новостные заголовки. Это становится неиссякаемым источником бюрократической отчетности, причем формируемой без особых усилий: маргинальные группы вынуждены будут искать рабочие места с невысоким уровнем формализации, а значит, их можно без труда отыскать в одних и тех же городских локальностях. При этом «приезжие» и «местные», работающие с мигрантами бок о бок, остаются невидимыми, так как бесполезны для отчетов и не столь явно выделяются общественным мнением как «чужаки».

Их обнаруживают наблюдатели, публикующие свои отзывы в социальных медиа, они же фрагментируют стройный «образ города» бюрократии, размывая границы между «мигрантами», «приезжими» и «местными». Это может происходить в тот момент, когда «мигранта» обнаруживают за пределами «типичных»

территорий, например, в школах, на детских площадках, в соседних квартирах, университетах, туристических местах, а «приезжих» и «местных» — в «мигрантских» местах. В комментариях транслируемый профессиональными СМИ образ «мигранта» и связанные с ним страхи оспариваются снова и снова. Опыт и разница в идеологических предпочтениях показывают чрезмерную упрощенность медийного образа.

Выходом может стать либо переопределение «мигранта», ликвидация всех связанных с ним негативных клише и вписывание его в контекст «нормального» города, либо стигматизация все новых и новых мест, в которых его «обнаруживают», в том числе и «своей» школы или «своего» района, а это может означать исключение из собственного города самого себя. Как показывают диалоги на форумах между жителями «мигрантского» района, расположенного рядом с мечетью, нередко выбор делается именно в пользу интеграции «мигранта» в «свой» город. В диалогах и комментариях «мигранты» и «приезжие», оставаясь маргиналами, органично вписываются в город, проходя через «кустарные» интерфейсы.

Литература

- Абашев В. (2000). Пермь как текст. Пермь: Издательство Пермского университета.
- Абашев В. (2018). Страсти по башне: городские медиа как генератор и архив локальных нарративов // Абашев В. (ред.). Город и медиа: Материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России» (Пермь, 1–2 июня 2018 года). Пермь: Издательство Пермского университета. С. 30–45.
- Абашев В., Печищев И. (2018). Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Абашев В. (ред.). Город и медиа: Материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России» (Пермь, 1–2 июня 2018 года). Пермь: Издательство Пермского университета. С. 9–30.
- Баньковская С. (2002). Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. № 6. С. 457–467.
- Ван Дейк Т. (2013). Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. М.: Либроком.
- Веснина Л. (2009). Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ // Лингвокультурология. № 3. С. 27–34.
- Власова Е. Г. (2018). Урбанистически ориентированные медиа и журналистика участия // Абашев В. (ред.). Город и медиа: Материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России» (Пермь, 1–2 июня 2018 года). Пермь: Издательство Пермского университета. С. 69–77.

- Григоричев К.* (2015). Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ. С. 86–104.
- Гусев А.* (2009). Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. Т. 8. № 2. С. 72–79.
- Дуглас М.* (2000). Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу / Пер. с англ. Р. Г. Громовой под ред. С. П. Баньковской. М.: Канон-пресс-Ц.
- Дятлов В.* (2012). Россия в предчувствии чайнатаунов // Дружба Народов. № 3. С. 145–156.
- Дятлов В., Григоричев К., Тимошкин Д., Брызгина Д.* (2019). Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск.
- Зиммель Г.* (2009). Экскурс о чужаке / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // *Филиппов А. Ф.* (ред.). Социологическая теория: история, современность, перспективы. СПб: Владимир Даль. С. 7–13.
- Ильина О.* (2018). Новые городские медиа как субъект конструирования территориальной идентичности // *Абашев В.* (ред.). Город и медиа: Материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России» (Пермь, 1–2 июня 2018 года). Пермь: Издательство Пермского университета. С. 109–123.
- Йоргенсен М., Филлипс Л.* (2011). Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. А. А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный центр.
- Каганский В.* (1999). Вопросы о пространстве маргинальности // Новое литературное обозрение. № 3. С. 52–62.
- Кастельс М.* (2016). Власть коммуникации/ Пер. с англ. Н. М. Тылевич под ред. А. И. Черных. М.: ВШЭ.
- Касаткина А.* (2014). Городская этнография в формате WEB: техника сбора данных, этика, перспективы // *Федорова Е. Г.* (ред.). Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 14. СПб.: МАЭ РАН. С. 230–246.
- Кужелева-Саган И., Глухов А., Ахметова Л., Бычкова М., Гужова И., Носова С., Окушова Г., Стаховская Ю.* (2016). «Цифровые диаспоры» мигрантов из центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск: Издательство ТГУ.
- Лефевр А.* (2015). Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: StrelkaPress.
- Линч К.* (1982). Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева. М.: Стройиздат.
- Луман Н.* (2005). Реальность масс-медиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис.
- Маккуайр С.* (2014). Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Strelka Press.

- Мукомель В. (2011). Российские дискурсы о миграции в «нулевые» годы // Демоскоп Weekly. № 479–480. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/demoscope0479.pdf> (дата доступа: 15.03.21).
- Орлова Г. (2018). Как смотреть на город мирного атома из социальной сети? Или в поисках утраченной современности // Социология власти. Т. 30. № 3. С. 93–126.
- Парк Р. (2011). Избранные очерки / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: ИНИОН РАН.
- Полухина Е. (2014). Онлайн-наблюдение как метод сбора данных // ИНТЕР. № 7. С. 95–106.
- Тёрнер В. (1983). Символ и ритуал. М.: Наука.
- Тимошкин Д. (2019) Тема снижения издержек на легализацию в принимающей стране: обсуждение в русскоязычных мигрантских интернет-сообществах // Социологический журнал. Т. 25. № 4. С. 56–71.
- Хазеева Н. (2012). Социальные медиа: vox populi или специфика нового канала изучения мнения потребителей. Интернет-исследования в России 3.0. Москва: Online Market Intelligence. С. 139–151.
- Чубаров И. (2014). Исключенные: логика социальной стигматизации в массовом кинематографе // Логос. № 5. С. 97–130.
- Al-Ghamdi S. A., Al-Harigi F. (2015). Rethinking Image of the City in the Information Age // Procedia Computer Science. Vol. 65. P. 734–743.
- Bassi H., Lee C. J., Misener L., Johnson A. (2020). Exploring the Characteristics of Crowdsourcing: An Online Observational Study // Journal of Information Science. Vol. 46. № 3. P. 291–312.
- Beneito-Montagut R. (2011). Ethnography Goes Online: Towards a User-Centred Methodology to Research Interpersonal Communication on the Internet // Qualitative Research. Vol. 11. № 6. P. 716–735.
- Brown D. (2002). Going Digital and Staying Qualitative: Some Alternative Strategies for Digitizing the Qualitative Research Process // Forum: Qualitative Social Research. Vol. 3. № 2. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs0202122> (дата доступа: 25.06.2020).
- Dada M. (2018). The Other City Map. URL: <https://www.arts.ac.uk/research/ual-staff-researchers/maria-dada> (дата доступа: 25.05.2020).
- Dekker R., Engbersen G., Klaver J. (2018). Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making // Social Media + Society. № 4. P. 1–11.
- Hine C. (2000). Virtual Ethnography. L.: Sage.
- Hine C. (2015). Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday. Huntingdon: Bloomsbury.
- Holtz P., Kronberger N., Wagner W. (2012). Analyzing Internet Forums: A Practical Guide // Journal of Media Psychology. Vol. 24. № 2. P. 55–66.
- Hoogeveen D., Wang L., Baldwin T., Verspoor K. M. (2018). Web Forum Retrieval and Text Analytics: A Survey. Hanover: Now Publishers.

- Iavarone A. H., Dursun Çebi P.* (2019). The Urban Space of Network Society: Digital Flaneurs in the Age of Social Media // Livenarch VI-2019: Replacing Architecture. URL: <https://acikerisim.iku.edu.tr/handle/11413/5295?show=full> (дата доступа: 20.05.2020).
- Jang K. M., Kim Y.* (2019). Crowd-Sourced Cognitive Mapping: A New Way of Displaying People's Cognitive Perception of Urban Space // PLoS ONE. Vol. 14. № 6. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0218590> (дата доступа: 25.05.2020).
- Kozinetz V. R.* (2010). Netnography: Doing Ethnographic Research Online. L.: Sage.
- Laclau E., Mouffe C.* (2000). Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. L.: Verso.
- Ma Y., Li G., Xie H., Zhang H.* (2018). City Profile: Using Smart Data to Create Digital Urban Spaces // ISPRS Annals of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. Vol. IV-4/W7.
- Markham A.* (2013). Fieldwork in Social Media What Would Malinowski Do? // Qualitative Communication Research. № 4. P. 434–446.
- Marres N.* (2012). The Re-distribution of Methods: On Intervention in Digital Social Research, Broadly Conceived // Sociological Review. Vol. 60. № S1. P. 139–165.
- Marres N., Gerlitz K.* (2014). Interface Methods: Renegotiating Relations between Digital Research, STS and Sociology. CSISP Working Paper № 3.
- Mattern S.* (2015). Deep Mapping the Media City. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Moyle G.* (2014). Long Tail CTR Study: The Forgotten Traffic beyond Top 10 Rankings. URL: <https://moz.com/blog/mission-imposserpble-3-we-need-to-think-beyond-the-top-10> (дата доступа: 20.11.2019).
- McCombs M.* (2004). Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. Cambridge: Polity Press.
- Nørskov S., Sladjana V., Rask M.* (2011). Observation of Online Communities: A Discussion of Online and Offline Observer Roles in Studying Development, Cooperation and Coordination in an Open Source Software Environment Forum // Qualitative Social Research. Vol. 12. № 3. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1567/3226> (дата доступа: 24.02.21)
- Paechter S.* (2015). Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/ Outsider Position in a Retrospective Ethnographic Study // Qualitative Research. Vol. 13. № 1. P. 71–86.
- Pereira G. C., Rocha M. C. F., Florentino P. V.* (2013). Spatial Representation: City and Digital Spaces // Computational Science and Its Applications — ICCSA 2013. Berlin: Springer. P. 524–537.
- Pocock D. C. D.* (1972). City of the Mind: A Review of Mental Maps of Urban Areas // Scottish Geographical Magazine. № 88. P. 115–124.
- Seeburger J.* (2012). No Cure for Curiosity: Linking Physical and Digital Urban Layers // NordiCHI'12: Nordic Conference on Human-Computer Interaction. N.Y.: ACM. P. 247–256.

- Shelton T., Poorthuis A., Zook M.* (2015). Social Media and the City: Rethinking Urban Socio-spatial Inequality Using User Generated Geographic Information // *Landscape and Urban Planning*. Vol. 142. P. 198–211.
- Vuolteenaho J., Leurs K., Sumiala J.* (2015). Digital Urbanisms: Exploring the Spectacular, Ordinary and Contested Facets of the Media City // *Observatorio*. Vol. 4. № 9. P. 1–21.

Migrants and Spatial Marginality in Urban Digital Media (The Case of Irkutsk)

Dmitriy Timoshkin

Research Fellow, Laboratory for Historical and Political Demography, Irkutsk State University

Research Fellow, Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University

Address: Karla Marksa Str., 1, Irkutsk, Russian Federation 664033

E-mail: dmrtim@gmail.com

The article analyzes “migrant” spaces created in Irkutsk by journalists and users of urban digital media. We considered professional news agencies, groups in Vkontakte, and forums as a tool for “space production” in combining many autobiographical descriptions of interaction with the city, images, and publicistic texts into an integral socio-spatial image. We were interested in how the texts’ authors of digital media integrate migrants into the “image of Irkutsk”: do they create specific “migrant” places on the map of Irkutsk? What are their features? Do the “migrant” spaces created on various digital platforms differ from each other? Does the social marginality of the “migrant” receive spatial expression? The materials were selected in the Google search engine, as well as in the built-in search engines of urban communities on Vkontakte and forums, using the keywords “Irkutsk” + “migrants” or “newcomers”. We used the method of retrospective online observation and discourse analysis. By observing the users’ dialogues and publicistic texts posted at different times, we determined which localities “migrants” and “newcomers” were placed in, and what characteristics they were given. It was found that the professional media mainly broadcasts the bureaucratic vision of the “migrant” and its location: it is associated with a set of “suspect spaces”, points of concentration of informal jobs, and are regularly “checked” by officials. Spaces are presented as marginal, do not fit into the city as an established socio-spatial order, and therefore are “dirty” and dangerous. These images move to social media where the image of “dirty” spaces and the “migrant” hiding there, as transmitted by the bureaucracy, collide with the subjective experience of users, becoming more complex and ambiguous. Thus, the “migrant” is placed in a wider range of spaces and social situations, gradually becoming a part of everyday urban life.

Keywords: digital media, city, migrants, image, marginality, space

References

- Abashev V. (2000) *Perm' kak tekst* [Perm as Text], Perm: Perm University Press.
- Abashev V. (2018) *Strasti po bashne: gorodskie media kak generator i arhiv lokal'nyh narrativov* [Tower Passions: City Media as Local Narrative Generator and Archive]. *Gorod i media* [City and Media] (ed. V. Abashev), Perm: Perm University Press, pp. 30–45.
- Abashev V., Pechishchev I. (2018) *Gorodskie setevye izdaniya kak agenty urbanizatsii* [Local Online Media as Agents of Urbanization]. *Gorod i media* [City and Media] (ed. V. Abashev), Perm: Perm University Press, pp. 9–30.

- Al-Ghamdi S.A., Al-Harigi F. (2015) Rethinking Image of the City in the Information Age. *Procedia Computer Science*, vol 65, pp. 734–743.
- Bankovskaya S. (2002) Chuzhaki i granicy: k ponjatiju social'noj marginal'nosti [Strangers and Borders: On the Concept of Social Marginality]. *Otechestvennye zapiski*, no 6, pp. 457–467.
- Bassi H., Lee C. J., Misener L., Johnson A. (2019) Exploring the Characteristics of Crowdsourcing: An Online Observational Study. *Journal of Information Science*, vol. 46, no 3, pp. 291–312.
- Beneito-Montagut R. Ethnography Goes Online: Towards a User-Centred Methodology to Research Interpersonal Communication on the Internet. *Qualitative Research*, vol. 11, no 6, pp. 716–735.
- Brown D. (2002) Going Digital and Staying Qualitative: Some Alternative Strategies for Digitizing the Qualitative Research Process. *Forum: Qualitative Social Research*, vol. 3, no 2. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqso202122> (accessed 24 February 2021).
- Castells M. (2016) *Vlast' komunikacii* [Communication Power], Moscow: HSE.
- Chubarov I. (2014) Iskljuchennye: logika social'noj stigmatizacii v massovom kinematografe [The Excluded: Logic of Social Stigmatization in Popular Cinema]. *Logos*, no 5, pp. 97–130.
- Dada M. (2018) The Other City Map. Available at: <https://www.arts.ac.uk/research/ual-staff-researchers/maria-dada> (accessed 24 February 2021).
- Dekker R., Engbersen G., Klaver J. (2018) Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making. *Social Media + Society*, no 4, pp. 1–11.
- Dyatlov V. (2012) Rossiya v predchuvstvii chajnataunov [Russia in Anticipation of Chinatowns]. *Druzhiba Narodov*, no 3, pp. 145–156.
- Dyatlov V., Grigorichev K., Timoshkin D., Bryazgina D. (2019) *Bazar i gorod: ljudi, prostranstva, obrazy* [Bazaar and the City: People, Spaces, Images], Irkutsk: Ottisk.
- Douglas M. (2000) *Chistota i opasnost'* [Purity and Danger], Moscow: Kanon-Press-C.
- Grigorichev K. (2015) Bazar i gorod: "kitayskij" rynek kak tochka sborki gorodskogo prostranstva [Bazar and the City: "Chinese" Market as a Point of Urban Space Assemblage]. *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic Markets in Russia: A Trading Space and a Meeting Place] (eds. V. Dyatlov, K. Grigorichev), Irkutsk: Irkutsk State University, pp. 86–104.
- Gusev A. (2009) Marginalizacija i kosmopolitizm: vzgljady sovremennyh teoretikov na social'nye posledstvija intensivnacii prostranstvennyh peremeshhenij [Marginalization and Cosmopolitanism: Views of Modern Theorists on the Social Consequences of the Intensification of Spatial Displacement]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 2, pp. 72–79.
- Hine C. (2000) *Virtual Ethnography*, London: Sage.
- Hine C. (2015) *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*, Huntingdon: Bloomsbury.
- Holtz P., Kronberger N., Wagner W. (2012) Analyzing Internet Forums: A Practical Guide. *Journal of Media Psychology*, vol. 24, no 2, pp. 55–66.
- Hoogeveen D., Wang L., Baldwin T., Verspoor K. M. (2018) *Web Forum Retrieval and Text Analytics: A Survey*, Hanover: Now Publishers.
- Iavarone A. H., Dursun Çebi P. (2019) The Urban Space of Network Society: Digital Flaneurs in the Age of Social Media. Available at: <https://acikerisim.iku.edu.tr/handle/11413/5295?show=full> (accessed 3 December 2020).
- Illina O. (2018) Novye gorodskie media kak sub'ekt konstruirovaniya territorial'noj identichnosti [New Urban Media as a Constructor of Territorial Identity]. *Gorod i media* [City and Media] (ed. V. Abashev), Perm: Perm University Press, pp. 109–123.
- Jang K. M., Kim Y. (2019) Crowd-Sourced Cognitive Mapping: A New Way of Displaying People's Cognitive Perception of Urban Space. *PLoS ONE*, vol. 14, no 6. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0218590> (accessed 1 December 2020).
- Jorgensen M., Phillips L. (2011) *Diskurs-analiz: teorija i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method], Kharkov: Gumanitarny centr.
- Kagansky V. (1999) Voprosy o prostranstve marginal'nosti [Questions about the Space of Marginality]. *New Literary Observer*, no 3, pp. 52–62.
- Kasatkina A. (2014) Gorodskaja jetnografija v formate WEB: tehnika sbora dannyh, jetika, perspektivy [Urban Ethnography in Web-Format: Data Collection Techniques, Ethics,

- Perspectives]. *Materialy polevyh issledovanij MAE RAN. Vyp. 14* [Materials of MAE RAN Field Studies, Issue 14] (ed. E. Fedorova), Saint Petersburg: MAE RAN, pp. 230–246.
- Khazeeva N. (2012) Social'nye media: vox populi ili specifika novogo kanala izuchenija mnenija potrebitel'ej [Social Media: Vox populi or the Specifics of a New Consumer Opinion Research Channel]. *Internet-issledovanija v Rossii 3.0* [Internet Studies in Russia 3.0], Moscow: OnlineMarketIntelligence, pp. 139–151.
- Kozinetz V. R. (2010) *Netnography: Doing Ethnographic Research Online*, London: Sage.
- Kuzheleva-Sagan I., Gluhov A., Ahmetova L., Bychkova M., Guzhova I., Nosova S., Okushova G., Stahovskaja Y. (2016) "Cifrovye diaspory" migrantov iz central'noj Azii: virtual'naja setevaja organizacija, diskurs "voobrazhaemogo soobshhestva" i konkurencija identichnostej ["Digital Diaspora" of Migrants from Central Asia: A Virtual Network Organization, the Discourse of "Imagined Community" and Competition of Identity], Tomsk: TSU.
- Laclau E., Mouffe Ch. (2000) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, London: Verso.
- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space], Moscow: Strelka Press.
- Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City], Moscow: Stroyizdat.
- Luman N. (2005) *Real'nost' mass-media* [The Reality of the Mass Media], Moscow: Praksis.
- Ma Y., Li G., Xie H., Zhang H. (2018) City Profile: Using Smart Data to Create Digital Urban Spaces. *ISPRS Annals of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, vol. IV-4/W7, pp. 75–82.
- Markham A. (2013) Fieldwork in Social Media What Would Malinowski Do? *Qualitative Communication Research*, no 4, pp. 434–446.
- Marres N. (2012) The Re-distribution of Methods: On Intervention in Digital Social Research, Broadly Conceived. *Sociological Review*, vol. 60, no S1, pp. 139–165.
- Marres N., Gerlitz K. (2014) Interface Methods: Renegotiating Relations between Digital Research, STS and Sociology (CSISP Working Paper no 3).
- Mattern S. (2015) *Deep Mapping the Media City*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- McCombs M. (2004) *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*, Cambridge: Polity Press.
- McQuire S. (2018) *The Media City*, Moscow: Strelka Press.
- Moyle G. (2014) Long Tail CTR Study: The Forgotten Traffic Beyond Top 10 Rankings. Available at: <https://moz.com/blog/mission-imposserpble-3-we-need-to-think-beyond-the-top-10> (accessed 20 November 2019).
- Mukomel V. (2011) Rossijskie diskursy o migracii v «nulevye» gody [Russian discourses on migration in the early 2000s]. *Demoskop Weekly*, no 479–480. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/demoscope0479.pdf> (accessed 15 March 2021).
- Nørskov S., Sladjana V., Rask M. (2011) Observation of Online Communities: A Discussion of Online and Offline Observer Roles in Studying Development, Cooperation and Coordination in an Open Source Software Environment Forum. *Qualitative Social Research*, vol. 12, no 3. Available at: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1567/3226> (accessed 25 February 2021).
- Orlova G. (2018) Kak smotret' na gorod mirnogo atoma iz social'noj seti? Ili v poiskah utrachennoj sovremenosti [How to View the City of Peaceful Atom from a Social Network?; or, In Search of Lost Modernity]. *Sociology of Power*, vol. 30, no 3, pp. 93–126.
- Paechter S. (2015) Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/Outsider Position in a Retro-spective Ethnographic Study. *Qualitative Research*, vol. 13, no 1, pp. 71–86.
- Park R. (2011) *Izbrannye ocherki* [Selected Essays], Moscow: INION RAN.
- Pereira G. C., Rocha M. C. F., Florentino P. V. (2013) Spatial Representation: City and Digital Spaces. *Computational Science and Its Applications — ICCSA 2013*, Berlin: Springer, pp. 524–537.
- Pocock D. C. D. (1972) City of the Mind: A Review of Mental Maps of Urban Areas. *Scottish Geographical Magazine*, no 88, pp. 115–124.
- Polukhina E. (2014) Onlajn-nabljudenie kak metod sbora dannyh [Online Observation as a Data Collection Method]. *INTER*, no 7, pp. 95–106.
- Seeburger J. (2012) No Cure for Curiosity: Linking Physical and Digital Urban Layers. *Proceeding of the 7th Nordic Conference on Human-Computer Interaction*, New York: ACM, pp. 247–256.

- Shelton T., Poorthuis A., Zook M. (2015) Social Media and the City: Rethinking Urban Socio-spatial Inequality Using User Generated Geographic Information. *Landscape and Urban Planning*, vol. 142, pp. 198–211.
- Simmel G. (2009) Jekskurs o chuzhake [Essay on the Stranger]. *Sociologicheskaja teorija: istorija, sovremennost', perspektivy* [Sociological Theory: History, Modernity, and Prospects] (ed. A. Filippov), Saint Petersburg: Vladimir Dahl, pp. 7–13.
- Turner V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual], Moscow: Nauka.
- Timoshkin D. (2019) Tema snizhenija izderzhek na legalizaciju v primajushhej strane: obsuzhdenie v ruskojazychnyh migrantskih internet-soobshhestvah [Reducing Legalization Expenses as a Topic in Russian-Speaking Migrant Communities]. *Sociological Journal*, vol. 25, no 4, pp. 56–71.
- Van Dejk T. (2013) *Diskurs i vlast'* [Discourse and Power], Moscow: Librokom.
- Vesnina L. (2009) Militarnaja metafora: predstavljajushhaja obraz migranta v otechestvennyh SMI [Military Metaphor: Creating the Image of Migrants in Russian Mass Media]. *Cultural Linguistics*, no 3, pp. 27–34.
- Vlasova E. (2018) Urbanisticheski orientirovannye media i zhurnalistika souchastija [Urban-Oriented Media and Participatory Journalism]. *Gorod i media* [City and the Media] (ed. V. Abashev), Perm: Perm University Press, pp. 69–77.
- Vuolteenaho J., Leurs K., Sumiala J. (2015) Digital Urbanisms: Exploring the Spectacular, Ordinary and Contested Facets of the Media City. *Observatorio*, vol. 9, no 4, pp. 1–21.